

НЕМЕЦКИЕ ФИЛОСОФЫ XVIII–XIX ВЕКОВ О РОССИИ И ЕВРОПЕ*

Хартвиг Франк

Университет Грайфсвальда, Германия

В статье анализируется историко-философский контекст эволюции представлений о России и российской культуре в Германии. Автор исследует позиции таких немецких философов XVIII–XIX вв., как Г. Лейбниц, И. Гердер, И. Кант, Г. Гегель, Ф. Ницше и Б. Бауэр. Выделяются две разнонаправленные перспективы в трактовке значения России для Западной Европы, подчеркивается, что общим для обеих перспектив является признание взаимовлияния и взаимопринадлежности европейской и российской культур. Делается вывод, что Россия попадает в поле внимания немецких философов лишь постольку, поскольку она рассматривается как принадлежащая к европейскому культурному пространству, хотя и занимает в нем особое место из-за своей геополитической азиатской интеграции. Если для Лейбница Россия – это *tabula rasa*, подлежащая культурному возделыванию для сближения с Европой, а просветительский импульс Гердера был направлен на пробуждение исторического и культурного сознания России с целью национального самоопределения народа (эту позицию в целом разделяли Кант и Гегель, которые высказывались о России как о такой стране, которая находится в подготовительной фазе своего культурного расцвета и еще не вошла в европейскую систему), то Бауэр и Ницше видят в России спасение для Европы, так как на фоне кризиса европейской государственности и культуры постоянно крепнущая «сила воли» русского народа вселяет надежду на то, что в Европе тоже возникнет воля к единению, и она сможет выжить и сохраниться в условиях предстоящих глобальных вызовов.

Ключевые слова: рефлексия культуры, образы и метафоры российской культуры, философская рецепция России.

The article analyzes the historical and philosophical context of the evolution of ideas about Russia and Russian culture in Germany. The author investigates the positions of such German philosophers of the 18th and 19th centuries as Gottfried Leibniz, Johann Herder, Immanuel Kant, Georg Hegel, Friedrich Nietzsche and Bruno Bauer. Two different perspectives in the interpretation of Russia's significance for Western Europe are highlighted, and it is emphasized that common to both perspectives is the recognition of mutual influence and mutual belonging of European and Russian cultures. It is concluded that Russia used to be in the field of attention of German philosophers only insofar as it was considered as a part of the European cultural space, although it was emphasized that Russia occupies a special place in it due to its geopolitical Asian integration. If for Leibniz Russia was a *tabula rasa*, subject to cultural cultivation for rapprochement with Europe, and Herder's enlightenment impulse was aimed at awakening the historical and cultural consciousness of Russia for the purpose of national self-determination of the Russian people (this position was generally shared by Kant and Hegel, who characterized Russia as a country that was in the preparatory phase of its cultural blossoming and had not yet entered the European system), then Bauer and Nietzsche, on the contrary, claimed that Russia was a salvation for Europe, because against the background of the crisis of European statehood and culture, the ever-increasing “will to power” of the Russian people gave hope that Europe would also develop a will for unity and would be able to survive in the face of the upcoming global challenges.

Keywords: cultural reflexion, images and metaphors of Russian culture, philosophical reception of Russia.

© Франк Х., 2024

<https://doi.org/10.31119/phlog.2024.1-2.232>

* Перевод с немецкого языка Гульнары Хайдаровой.

Для европейского философского мышления Россия с ее культурой и интеллектуальной историей стала вызовом только в XX в. И здесь решающее значение имеют в первую очередь два аспекта. Во-первых, тоталитарная система общества, сформировавшаяся в Советском Союзе, которая в зависимости от точки отсчета виделась как угроза или как надежда для Европы и которая вынуждала Запад к философской полемике с ней в рамках господствовавшей в XX в. конфронтации идеологий. Во-вторых, после 1917 г. случился исход интеллектуальной элиты России и раннего Советского Союза, раскрывший западноевропейской общественности духовный потенциал этой культуры: он сначала сказался в кратком, но интенсивном расцвете русской религиозной философии и впоследствии, опосредованный русским культурным и художественным авангардом, уже длительно оказывал влияние на западную Европу.

Философская рефлексия России в Германии вплоть до второй половины XIX в. оставалась скорее исключением¹. Так, теолог и философ Бруно Бауэр, бывший сначала право-, а затем левогегельянцем и позже склонившийся к политическому консерватизму, утверждал в 1853 г. в сочинении «Россия и германизм»: «Все эти немецкие философы [имеются в виду Кант, Фихте, Гегель. – Ф.Х.], которые наивысшим и наичистейшим образом выражали воззрения своей нации, думали только о Западе: Восток для них еще не присутствовал, отношения германского мира к России для них еще не существовало» [13, с. 2; цит. по 1, с. 682].

Однако, как сказано выше, были исключения среди немецких философов. К ним можно в известной мере причислить и самого Бауэра с его сочинениями об отношениях Германии и России². Но из философов до конца XIX в. могут быть названы лишь несколько имен: Лейбниц, Гердер, Маркс, Энгельс, Ницше. Кроме Маркса и Энгельса³, для всех этих философов, включая Бауэра, характерно то, что они связывали с Россией, и при том с Россией в ее монархическом, самодержавном облике, историко-философские ожидания относительно будущего Европы. Здесь можно даже зафиксировать эпохальный разрез в рецепции России у этих мыслителей: между Лейбницем и Гердером в XVIII в., с одной стороны, и Бауэром и Ницше в XIX в., с другой стороны. Первые – совершенно в духе эпохи Просвещения – усматривали в России политически невосделанное поле для осуществления идей просветительского мышления с помощью государственной практики, причем возлагали это на, как им казалось, просвещенного абсолютного монарха: Лейбниц – на Петра I, Гердер – на Екатерину II⁴.

¹ См. результаты Вупертальского исследовательского проекта, посвященного ретроспективному анализу образа чужого в истории немецко-русского восприятия под руководством Льва Копелева (Lew Koplew) [8].

² О сочинениях Бауэра см. [1]. Конечно, нужно иметь в виду, что Бауэр – «автор, по собственному опыту не знавший Россию, имевший представления из вторых-третьих рук» [1, с. 676].

³ О мнении Маркса и Энгельса о значении России для Западной Европы см. подробную подборку текстов с комментариями [6].

⁴ О представлениях Гердера об императрице Екатерине II см. [2].

Для Лейбница, многократно встречавшегося с царем Петром I и принятым на дипломатическую службу к нему, Россия представляла таким полем по двум основаниям. С одной стороны, он считал ее – отчасти из-за незнания страны, отчасти из-за убежденности в своей, западноевропейской культуре – культурно и исторически «нерастраченной», да даже до некоторой степени *tabula rasa* [3, с. 402, 412]. В своих докладных записках и письмах к царю и высокопоставленным чиновникам он вносил предложения по культурному сближению России с Западной Европой. Но его дальнейшей целью при этом был «европейско-китайский культурный синтез», который, однако, как он полагал, занял бы «более, чем одно поколение». В качестве необходимого предварительного условия он видел «приведение России в соответствие с европейским стандартом цивилизации». Это казалось ему «ближайшей целью, которая в значительной степени может быть достигнута». И тогда Россия превращалась для него в такую промежуточную империю, которая может и должна связать древние культуры Европы и Китая [3, с. 399].

Просветительский импульс Гердера в отношении России обнаружился прежде всего в намерении юного Гердера – конечно, не реализовавшемся – написать для России конституцию. Об этом Мехтхильд Келлер (Mechthild Keller) в исследовании, посвященном образу России у Гердера, заметил: Гердер «уже во второй половине шестидесятих годов замыслил свои проекты по пробуждению исторического и культурного сознания России – некий вид концепта национального самоопределения, которое могло проистекать только из уверенности в своеобычности этого народа, в его уникальных условиях и особенностях» [3, с. 358]. Однако именно у Гердера, воззрения которого о восточной Европе оказывали свое влияние и в XIX в., особенно благодаря его труду «Идеи к философии истории человечества», стала очевидной одновременно и амбивалентность просветительского устремления Запада в отношении России. Так, с российской стороны выдвигается небезосновательное возражение против позитивной оценки Келлером мнения Гердера о России: «Гердер – один из тех мыслителей, и, к тому же, один из самых выдающихся, кто внес вклад в существенные искажения, касающиеся представлений о роли России в мировой истории и о значении позиции России между Востоком и Западом; из этих искажений следовал ряд особенностей о “русском пути” и “русском характере”» [5, с. 323]. В XIX в. эта амбивалентность, характеризовавшая западноевропейское Просвещение уже в образе России у Гердера, в свою очередь, нашла выражение в самой русской культуре: в противопоставленности, опять же, в духе Просвещения двух философских течений – западников и славянофилов – в их видении будущего России.

Ту смену перспективы в рефлексии немецких философов о России, которая произошла на переходе от XVIII в. к XIX в., можно продемонстрировать, сравнивая позиции Канта и Гегеля относительно России. Оба высказывались лишь единично в своих произведениях, Россия для них, как уже говорилось, не была предметом философского интереса. Тем не менее, это сравнение представляется полезным.

Кант, имевший так же, как Гердер и Лейбниц, личный опыт русской политики, поскольку, как житель Кенигсберга с 1758 по 1762 гг., был подданным русской императрицы, в отличие от этих мыслителей сохранял значительную дистанцированность относительно России. Например, в «Антропологии с прагматической точки зрения» (1798 и 1800 г.) (В 309f./А 311f.) он высказывается весьма коротко: «Россия еще не составляет того, что нужно для определенного понятия о природных задатках, готовых к развитию... ввиду этого очерк [о России. – Ф.Х.] вполне *можно здесь опустить*» [10, с. 360]. Как считает Лев Копелев, Кант полагал, что даже в конце XVIII в. не было возможности «охарактеризовать объективно Россию и русских» [4, с. 26].

Спустя примерно двадцать лет у Гегеля находим высказывание о славянах как третьем элементе наряду с романскими и германскими народами как двумя большими порядками Европы: славяне находятся еще в «начальном состоянии своего достоинства» и существуют в качестве *русской государственности*, которая всего одно столетие как вступила в сравнимое с Европой оформление, однако исторически все еще не влилась в процесс европейского формирования¹. Напротив, в исключительно политическом ключе Россия уже вошла в европейскую систему, и притом в качестве массивной силы, образующей оплот (*das Feste*); в недавнее время она даже скрепила и увязала “пояс” (*das Band*) существования европейских государств, хотя и по существу только пассивно» [14, с. 907].

Для обоих, Канта и Гегеля, Россия находится еще в подготовительной фазе своего культурного расцвета. Однако если Кант ограничивается этой констатацией, то для Гегеля очевидно, что Россия после победы над Наполеоном и Венского Конгресса превратилась во влиятельную силу, участвующую в европейской политике.

Для мыслителя XIX в. Россия уже не представлялась девственной культурой или невозделанным полем для западноевропейских намерений. Скорее, в ней признавали силу в Европе и для Европы, от которой можно было чего-то ожидать, но и также в чем-то следовало опасаться. При этом ожидания, как и опасения, формировались в контексте взгляда на Западную Европу, потрясенную революциями и политически ослабленную ими, с культурой, которая, казалось, очутилась в кризисе. Для спасения европейской культуры вновь в поле внимания попала Россия. Ее толковали теперь в качестве определяющего фактора силы для общемирового значения европейской культуры.

Так, Бауэр, предвещавший закат старой европейской цивилизации («ибо нет ничего более несомненного, чем этот закат», – как он считает), спрашивал: «...переживет ли германский мир», под которым подразумевались, согласно Гегелю, не только германски-сформировавшаяся культура, но и романски-сформировавшаяся культура Европы, «или же одна

¹ Ср. также на русском языке в редакции Эдуарда Ганса: «...часть славян приобщилась к западному разуму. Однако вся эта масса исключается из нашего обзора потому, что она до сих пор не выступала как самостоятельный момент в ряду обнаружений разума в мире. Здесь нас не касается, произойдет ли это впоследствии, так как в истории мы имеем дело с прошлым» [9, с. 369].

русская нация будет определять новую цивилизацию»? Он надеялся, что «германство» в наступающую эпоху «впишет страницу в историю в ассоциации с российством» [13, с. 682]. Ибо Россия, как он думал, «благодаря ее дисциплине для настоящего то же самое, чем был Рим для древнего мира, который положил конец постоянным войнам, особенно греческих племен, когда они выродились в бесполезные раздоры и взаимное самоуничтожение» [13, с. 680]. А также: «Россия, как и Римская империя, гарантирует спокойное развитие новых культурных элементов и одновременно приведет к финальной борьбе» [13, с. 680].

Если Бауэр полагался на Россию как на силу, которая могла бы связать себя с европейской культурой и тем самым дать той новые возможности развития, то Ницше имел другие представления относительно значения России для Европы. В 1880-е гг. он говорит о России как об «огромном срединном государстве» [15, с. 139; 11, с. 332]. «Огромной» Российской империя казалась ему из-за ее интеграции в материковую Азию, чьим словно бы «разинутым зевом» она, пожалуй, могла бы «проглотить маленькую Европу» [16, с. 658]¹. Но одновременно он ожидает в наступающем XX в. «вхождения русских в культуру» [17, с. 340].

«Время мелкой политики прошло», констатирует Ницше в середине 1880-х гг. в «По ту сторону добра и зла», уже следующий, XX век принесет «борьбу за господство над всем земным шаром» и вместе с тем «понуждение к великой политике» [15, с. 139; 11, с. 331]. Однако, согласно Ницше, для этой борьбы Европа плохо подготовлена. Европейская цивилизация, по его мнению, больна, и она больна прежде всего слабостью своей воли. Наибольшей силы в Европе воля, по Ницше, все еще достигает на ее северо-восточном краю, «в огромном срединном государстве» – России.

Метафоризируя геополитическую значимость России, Ницше пишет, что в России «сила воли откладывается и накапливается с давних пор», в ней «воля грозно ждет того, чтобы... освободиться», конечно, еще «неизвестно, воля отрицания или утверждения» [15, с. 139]. Угроза, исходящая со стороны России для всей остальной Европы, двоякая: опасным представляется размер аккумулированной в России силы воли и одновременно непредсказуемость (непросчитываемость) направления ее действия в случае, если эта сила воли перешла бы в активное действие. Россия, таким образом, согласно Ницше, становится для Европы «величайшей опасностью». Представляется, что существуют приоритетно две мыслимые возможности, как эту опасность от Европы можно было бы отклонить: либо путем раздробления размера Российской империи вследствие внутренних потрясений на «мелкие части», либо путем перенаправления российской угрозы в направлении Азии. Но Ницше видит и выбирает в качестве желательной третью возможность: «...такое усиление грозности России, которое заставило бы Европу решиться стать в равной степени грозной, т.е. посредством новой господствующей над ней касты приобрести единую волю, долгую, страшную собственную волю, которая могла бы назначить себе цели на тысячелетия вперед» [15,

¹ На русском языке: [https:// www.nietzsche.ru/userfiles/pdf/chelovech2.pdf](https://www.nietzsche.ru/userfiles/pdf/chelovech2.pdf) (с. 607).

с. 139]¹. Для этого, однако, Европа, согласно Ницше, должна положить конец «затяжной комедии ее маленьких государств» [15, с. 140]². Россия в этом отношении, как продолжает Ницше в «Сумерках идолов», – как раз «противопонятие жалкому европейскому партикуляризму и нервозности» [18, с. 141; 12, с. 616].

Своим парадоксальным желанием усиления грозности (России) ради того, чтобы Европа под влиянием растущего страха приобрела единство воли, Ницше смецает геополитическую метафору России в историко-философскую размерность. Так же, как некогда Римская империя как державная сила позволила выстоять греческой культуре на протяжении столетий (обеспечила греческой культуре трансфер сквозь века), так и сегодня, согласно Ницше, роль Россия могла бы состоять в том, чтобы усилить в европейской культуре волю к единению, к оформлению своего гештальта и волю к власти, и это обеспечило бы выживание и сохранение этой культуры в предстоящих глобальных противостояниях.

Если сравнить философскую рефлексию России, представленную здесь взглядами немецких мыслителей XVIII и XIX вв., то примечательны две вещи. С одной стороны, в обоих случаях речь идет о Европе, о европейской культуре и ее утверждении в превосходящей мировой культуре. В обоих случаях Россия попадает в поле внимания постольку, поскольку она рассматривается как принадлежащая к европейской культуре и все же отличающаяся от нее из-за своей геополитической азиатской интеграции. И в обоих случаях именно из-за этого особого положения России с ней связываются ожидания относительно ее будущей роли для Европы с ее культурой. Но, с другой стороны, как показывает рефлексия Бауэра и Ницше, для мыслителей XIX в. просветительский проект о влиянии Западной Европы на Россию, предлагавшийся Гердером и Лейбницем, приобрел обратную перспективу: а именно, представление о влиянии России на Западную Европу. Конечно, обе перспективы остаются вполне философски спекулятивными для своего времени.

Литература

Исследования

1. *Hecker H.* Die Russen, die Germanen und das Fatum Europas. Bruno Bauer und seine Ansichten über Rußland // *Russen und Rußland aus deutscher Sicht.* 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871) / Hrsg. M. Keller. München: Wilhelm Fink, 1991. S. 662–683.
2. *Keller M.* “Politische Seeträume”: Herder und Rußland // *Russen und Rußland aus deutscher Sicht.* 18. Jahrhundert: Aufklärung / Hrsg. M. Keller. München: Wilhelm Fink, 1987. S. 364–369.
3. *Keller M.* Wegbereiter der Aufklärung: Gottfried Wilhelm Leibniz’ Wirken für Peter den Großen und sein Reich // *Russen und Rußland aus deutscher Sicht.* 9.-17.

¹ Ср. также: «Единственная завоевательная сила большого масштаба – это Россия... Следовательно, она [Россия. – Г.Х.] будет понуждать Европу к объединению» [17, с. 360].

² О представлениях Ницше относительно единой Европы см. [7, с. 79–84].

- Jahrhundert / Hrsg.: K.-H. Korn, M. Keller, U. Dettbarn. München: Wilhelm Fink, 1985. S. 391–413.
4. *Kopelew L.* Neues Verständnis und neue Mißverständnisse, neue Verbindungen und neue Widersprüche. Einleitung zu // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung / Hrsg. M. Keller. München: Wilhelm Fink, 1987. S. 11–34.
 5. *Kouznetsow I.N.* Herder und Rußland. Zur Fragestellung // Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert. Kultur, Wissenschaft und Diplomatie (Wolfenbütteler Forschungen) / Hrsg.: C. Grau, S. Karp, J. Voss. Wiesbaden: Harrassowitz, 1997.
 6. Karl Marx und Friedrich Engels zur russischen Revolution. Kritik eines Mythos / Hrsg. M. Rubel. Frankfurt am Main; Berlin; Wien: Ullstein, 1984.
 7. *Stegmaier W.* Nietzsche, die Juden und Europa // Europa-Philosophie / Hrsg. W. Stegmaier. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2000. S. 67–91.
 8. West-östliche Spiegelungen. Russen und Rußland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht von den Anfängen bis zum 20. Jahrhundert. Bd. 1–4 / Hrsg. M. Keller. München: Wilhelm Fink, 1985.

Источники

9. *Гегель Г.Ф.* Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000.
10. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения. В 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 137–376.
11. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 238–406.
12. *Ницше Ф.* Сумерки идолов, или как философствуют молотом // Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 556–630.
13. *Bauer B.* Rußland und das Germanenthum. Charlottenburg, 1853.
14. *Hegel G.W.F.* Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte. Bd. IV: Die germanische Welt. Berlin: Felix Meiner, 1970.
15. *Nietzsche F.* Jenseits von Gut und Böse // Nietzsche F. Sämtliche Werke: Kritische Studienausgabe in 15 Bänden / Hrsg.: G. Colli, M. Montinari. Bd. 5. München: Deutscher Taschenbuch, 1999.
16. *Nietzsche F.* Menschliches Allzumenschliches // Nietzsche F. Sämtliche Werke: Kritische Studienausgabe in 15 Bänden / Hrsg.: G. Colli, M. Montinari. Bd. 2. München: Deutscher Taschenbuch, 1999.
17. *Nietzsche F.* Nachlaß 1880 // Nietzsche F. Sämtliche Werke: Kritische Studienausgabe in 15 Bänden / Hrsg.: G. Colli, M. Montinari. Bd. 9. München: Deutscher Taschenbuch, 1999.
18. *Nietzsche F.* Götzendämmerung // Nietzsche F. Sämtliche Werke: Kritische Studienausgabe in 15 Bänden / Hrsg.: G. Colli, M. Montinari. Bd. 9. München: Deutscher Taschenbuch, 1999.

Frank, Hartwig. *German philosophers of the 18th–19th centuries about Russia and Europe*

References

1. Hecker, H. (1991), Die Russen, die Germanen und das Fatum Europas. Bruno Bauer und seine Ansichten über Rußland, in: Keller, M. (Hrsg.), *Russen und Rußland aus*

- deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871)*, Wilhelm Fink, München, S. 662–683.
2. Keller, M. (1987), “Politische Seeträume”: Herder und Rußland, in: Keller, M. (Hrsg.), *Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung*, Wilhelm Fink, München, S. 364–369.
 3. Keller, M. (1988), Wegbereiter der Aufklärung: Gottfried Wilhelm Leibniz’ Wirken für Peter den Großen und sein Reich, in: Korn, K.-H., Keller, M., & Dettbarn, U. (Hrsg.), *Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 9.-17. Jahrhundert*, Wilhelm Fink, München, S. 391–413.
 4. Kopelew, L. (1987), Neues Verständnis und neue Mißverständnisse, neue Verbindungen und neue Widersprüche. Einleitung zu, in: Keller, M. (Hrsg.), *Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung*, Wilhelm Fink, München, S. 11–34.
 5. Kouznetsow, I.N. (1997), Herder und Rußland. Zur Fragestellung, in: Grau, C., Karp, S., & Voss, J. (Hrsg.), *Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert. Kultur, Wissenschaft und Diplomatie (Wolfenbütteler Forschungen)*, Harrassowitz, Wiesbaden.
 6. Rubel, M. (Hrsg.) (1984), *Karl Marx und Friedrich Engels zur russischen Revolution. Kritik eines Mythos*, Ullstein, Frankfurt am Main, Berlin, Wien.
 7. Stegmaier, W. (2000), Nietzsche, die Juden und Europa, in: Stegmaier, W. (Hrsg.), *Europa-Philosophie*, Walter de Gruyter, Berlin, New York, S. 67–91.
 8. Keller, M. (Hrsg.) (1985), *West-östliche Spiegelungen. Russen und Rußland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht von den Anfängen bis zum 20. Jahrhundert*, Bd. 1–4, Wilhelm Fink, München.